

A.B. Зубова, A.C. Шишкин

(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

К вопросу о семантическом значении накосных украшений

Зоо- и орнитоморфные накосные украшения, выполненные из цветных металлов, представляют собой одно из ярких явлений традиционной культуры сибирских народов. Они встречаются как в археологических, так и в этнографических материалах, и рассуждения о значении символов, связанных с ними довольно распространены (см. напр.: Карьялайнен К.Ф., 1996, Сагалаев А.М., 1991, Чернецов В.Н., 1959 и др.). Но, какую бы мифологию мы не взяли, закрыть любой семантический ряд, т.е. исчерпать все семантические связи данного образа, какого-либо предмета или мифологемы невозможно (Балакин Ю.В., 1998, с.125), и накосные украшения в этом случае не исключение.

Цель данной работы – определить некоторые аспекты семантической нагрузки таких накосников, в зависимости от изображения на них и материала, из которого они изготовлены.

По археологическим данным зафиксировано несколько видов животных, изображения которых использовались в качестве накосных украшений. Это белка (Троицкая Т.Н., 1996, с.73-74), медведь (Гутов Е.А., 1989, с.70; устное сообщение А.П. Бородовского; Беликова, Плетнева, 1983, с.27), утки или другие водоплавающие птицы (Дульzon А.П. 1947, с.103, табл. 42, 44; Коников Б.А. 1983, с.98), хищные птицы (Чиндина Л. А. 1987, с.52), конь (Чернецов В.Н., 1957, рис.9, III, табл. XII). В материалах С.И. Руденко, относящихся к этнографическому времени опубликована подвеска в виде льва (?) (1914, с.51, рис.29, б). Вполне возможно, что существовали и другие изображения, но в литературе часто не указывается точное положение таких подвесок в могиле, поэтому точно ничего сказать нельзя.

В этнографии свидетельства употребления таких подвесок встречаются у К.Ф. Карьялайнена (1996, с.39-40). Им упоминаются вороны, сороки, ястребы, змеи или лягушки. Его сведения приводит В.Н. Чернецов, прибавляя к ним материалы фольклора.

В.Ф.Зуев (1947, с.27) описывает «...будто повязку, у коей концы назаде долгие и расшины разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее...».

Чтобы определить семантику таких украшений, прежде всего нужно попытаться оценить значение изображенных на них животных для мировоззрения древнего и этнографического населения Сибири.

Обратившись к этнографии, можно увидеть, что наиболее разноплановым из всех упомянутых изображений является медведь. Его образ маркирует собой все три мира. В Верхнем мире он предстает как верховное божество или его сын (дочь); в Среднем мире – дух леса или дух-покровитель, фратриальный предок; в Нижнем мире – хозяин мертвых, бог земли. Ряд его функций и воплощений указывают на медиативную роль в структуре Космоса. Как представитель верха медведь следит за соблюдением справедливости на земле, в качестве фратриального предка он также принадлежит одновременно Верху и Среднему миру, а как охранитель от духов – Среднему миру и Низу.

Второе в количественном отношении место занимают птицы. В традиционном мировоззрении обских угров и самодийцев они являются существами, обитающими во всех сферах Космоса и свободно перемещающимися в них. Особенно это относится к водоплавающим птицам, способным погружаться под воду – аналог сферы Низа. Основное ее значение – посредничество между мирами Вселенной, кроме того, она входит в число предков человека. В урало-алтайской традиции с комплексом представлений «птица – дерево» тесно связана богиня-мать. (Сагалаев А.М., 1991, с.75). Птичья ипостась – один из характерных атрибутов женских (и не только) божеств.

Представления о лягушке также в основном связаны с образом благожелательного женского божества, функционально имеющего отношение к семейному счастью, деторожде-

нию, здоровью, плодородию. По фольклорным свидетельствам первоначальное место обитания лягушки – Верхний мир, но несмотря на свою благость, она, как и рыба, еще и существо хтонического плана, обитатель Нижнего мира, водной стихии, нередко наделяемая в фольклоре такими чертами как коварство и злоба.

Конь в мифологической системе обских угров занимает особое положение. Основное его значение – переносчик представителей высшего пантеона: Нури-Торума, Корс-Торума, Щахэл-Торума и Мир-Сусне-Хума; кроме того он выступает как своего рода медиатор между Верхом и Низом. В индоевропейской традиции он, кроме того, выступает как воплощение мирового дерева. Конь-дерево в Ригведе соответствует коню-дереву в Эдде. Древнеисландское Ygg-drasil буквально переводится как «конь Одина» (Иванов Вяч. В., 1974, с. 111 – 115).

Менее точно можно определить ритуальное значение белки. В обско-угорских материалах упоминания о ней практически не встречаются. Но можно привести аналогию из селькупского предания. В нем говорится, что, когда Хозяйка леса покровительствовала охотнику, она расчесывала волосы, и из-под гребня бежали к нему белки, соболи, лоси олени. «...Она сидит, волосы распустила до пят и чешет. Как на одну сторону чеснет – белки бегут... другую чеснет – соболи валятся» (Пелих Г.И., 1972, с. 341). Белка здесь выступает как символ плодородия и охотничьей удачи.

Хорошо известна медиативная функция белки в индоевропейской мифологии. Например – белка Рататоск, которая

«...Резво снует
по ясеню Игграсиль;
все речи орла
спешит отнести она
Нидхеггу вниз».
(Старшая Эдда., 2000, с.89).

Кроме этого, в ее приметах отчетливо выделяется огненная символика (Гура А.В. 1997, с.252). В славянской традиции белка воспринимается как нечистое животное, связанное с домовым, русалкой, водяным. В польских поверьях ее образ связан с функцией плетения волос и женской брачной символикой.

Таким образом, мы видим, что общей в мировоззренческой нагрузке этих изображений является функционирование изображенных на них животных в качестве медиаторов между различными мирами. Если учесть, что волосы в традиционной культуре часто выступают воплощением мирового дерева (Сагалаев А.М., 1990, с.23; Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998, с.64), то становится возможным перенесение посреднической функции и на накосное украшение.

В пользу этого говорит также обычай приносить гребни и накосные украшения в жертву на священном мысу на озере Тух Эмтор (Легенды и сказки хантов, 1973, с.24), а также фольклорные данные.

Второе значение таких украшений определял материал, из которого они были выполнены. Цветные металлы сами по себе обладали высокой сакральностью. Медь и бронза обладали, во-первых, защитным действием, а, во-вторых, – животворящей, репродуктивной способностью (Балакин Ю.В., 1998, с.136). Присутствие меди или само по себе или в сопровождении определенных ритуальных действий создает чистую в ритуальном смысле зону. Возможно, что об изделиях из цветного металла в древности можно было говорить не только как о месте обитания жизненной силы, но и как об ее источнике, вне которого жизненная сила не имеет самостоятельного существования (там же, с. 144). Это объясняет данные В.Н. Чернецова о том, что отношение к медным подвескам на косы куда более серьезное, чем просто к украшениям и часто они мыслятся как воплощение реинкарнирующей жизненной силы (Чернцов В.Н., 1959, с. 138).

В качестве первоисточника жизненной силы волосы и накосные украшения выступают в сказании о творении земли и людей у обских угров.

Со дна семи рек, семи морей

Златоспинных семь хомлax

Поднимаются.

Его косами спины свои согревают...

Люди благодаря этому (благодаря их силе)

По сей день существуют.

(Чернецов В.Н., 1959, с.141).

Таким образом, помимо перечисленных в литературе значений зоо- орнитоморфных накосных украшений (воплощение тотемического предка (Карьялайнен К.Ф., 1996, с. 39-40), средство охраны и удержания души, мировое дерево, маркировка различных сфер Космоса (Сагалаев А.М., 1991, с.56), можно выделить еще два. Первое – медиативная функция таких украшений; второе – накосные украшения представляют собой источник жизненной силы.

Научный руководитель – д.и.н. Т.Н. Троицкая.